

# ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

У ПРИРОДЫ  
НЕТ ПЛОХОЙ  
ПОГОДЫ

# Эльдар Александрович Рязанов

## У природы нет плохой погоды

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=602245](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602245)*

*У природы нет плохой погоды : стихотворения, новеллы: Эксмо;*

*Москва; 2011*

*ISBN 978-5-699-04681-2*

### Аннотация

Фильмы Эльдара Рязанова знают все. А вот тайная страсть режиссера к стихосложению впервые была обнародована в «Служебном романе» – правда, никто и не обратил тогда внимания на фамилию автора, скромно спрятавшего себя за именами «великих», но знаменитые строчки про природу и погоду пошли гулять по свету. А потом был «Жестокий романс» – «Любовь – обманная страна...», «Вокзал для двоих» – «Не бойтесь бросить все на карту...». Перед вами – первая полная книга стихотворений Эльдара Рязанова. В этих простых и трогательных строчках угадываются высочайшая житейская мудрость и очень чистая душа автора.

# Содержание

Маленькое предисловие	4
Две встречи с Константином Симоновым	12
Музыка жизни	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

**Эльдар Рязанов**  
**У природы нет**  
**плохой погоды:**  
**стихотворения, новеллы**

**Маленькое предисловие**



Известно, что работа любит дураков. И я рад, что принадлежу к этой категории человечества.

Моя главная профессия – кинорежиссер. Не буду рассказывать о своих лентах. В кинематографе у меня сложилась счастливая судьба, и многие из вас, вероятно, видели немало игровых кинокартин, которые я поставил. Нормальному человеку этой иссушающей душу и тело профессии хватило бы с головой. Но мне этого показалось недостаточным, и я занялся еще и литературным трудом. Поначалу вместе с Эмилем Брагинским мы писали сценарии для кино, повести для чтения и комедии для театра, а потом я отделился и стал сочинять на бумаге в одиночку. Но двух профессий тоже оказалось маловато, я еще полез и на телевидение. Популярной программе «Кинопанорама» я отдал семь лет жизни – с 1979 по 1986 год. Да и сейчас, бывает, выпускаю на ТВ свои авторские программы. Кроме того, время от времени я преподаю на высших режиссерских курсах, и несколько моих учеников сделали удачную кинокарьеру: Ю. Мамин, И. Дыховичный, И. Фридберг, Е. Цымбал, В. Мустафаев. А если упомянуть встречи со зрителями, выступления в печати и спорадически возникающую общественную активность, то перед Вами, дорогой Читатель, предстанет образ ненасытного честолюбивого трудяги. Этот тип и в отпуск уходит только для того, чтобы набраться сил для дальнейших подвигов на ниве работы, а отнюдь не для удовольствия, не для кайфа,

не для улады. А ведь помимо трудовой деятельности, существуют и домашние заботы, проблемы у близких, хлопоты за друзей, болезни и прочие житейские приятности и, большей частью, неприятности. Поэтому главный дефицит для меня – нехватка времени. Порой приходится разрываться на куски, чтобы успеть сделать все намеченное. Конечно, я – жертва собственного характера, и в книге вы найдете немало стихов на эту тему.

А теперь о стихах...

Параллельно с многочисленными и разнообразными занятиями и обязанностями существовало во мне что-то вроде внутреннего монолога или, если хотите, стихотворного дневника. Нормального дневника – ежедневных записей о делах, мыслях и чувствах – я, к сожалению, никогда не вел, и теперь многое, что хорошо бы воскресить, забыто. И, вероятно, навсегда! Но остались стихи, в какой-то мере восполняющие этот пробел. В них фиксировалось то, что не находило себе места, да и не могло найти, в сценариях и фильмах. Кинематографу подвластно все, он может передавать любые оттенки и нюансы движения человеческой души. Но режиссер создает произведение с помощью писателя, актеров, оператора, художника, композитора. Любой фильм – своеобразный сплав дарований или бездарностей. Да, примат режиссера несомненен. Недаром ленты называют именем режиссера – фильм Рене Клера или Сергея Эйзенштейна... И тем не менее каждая кинокартина – коллективное детище.

Наверное, мучительное желание высказаться о личном, только своим, стремление поделиться чем-то заветным, жажда исповеди и побудили меня к стихотворству. Исповедальность – то, к чему властно тяготеет каждый вид искусства. В этом смысле поэзия наиболее интимна. Превосходит ее разве что музыка. В искренности, правдивости чувств, обнажении тайников души, умении заглянуть в человеческие глубины – наверное, суть поэзии. И, конечно, при этом очень важна форма – гармония рифм, ритмов, а также сочетания, столкновения обычных, стертых слов, от которых к ним возвращается их первородное значение. Истинная поэзия всегда музыкальна, в ней существует некое звуковое волшебство... Я достаточно критически отношусь к своим поэтическим опусам, но они – мои, они выражают мои мысли и чувства и, собственно говоря, больше ни на что не претендуют.

Эта книжка – наиболее полный сборник моих стихов. Если Читателю покажется, что книжка местами чересчур грустна, то пусть он вспомнит, что жизнерадостные и веселые свойства натуры я тратил в это же самое время на создание комедий для кино и театра и там, очевидно, подрастратил свой смеховой запас. Правда, и для стихов тоже кое-что осталось. Если же Читателю покажется, что книжка местами носит чересчур личный, интимный характер, то пусть он вспомнит, что гражданские взгляды были отданы мной в тот же отрезок времени кинематографу, телевидению, театру, публицистике.



Время от времени в ткань этого поэтического сборника будут вкрапливаться небольшие прозаические новеллы, рассказывающие о разных событиях, о судьбе стихов. В общем, то, что осталось за рамками моих поэтических попыток...

Итак, в добрый путь, дорогой Читатель!

*Эльдар Рязанов*

*Апрель 2004 года.*

\* \* \*

В трамвай, что несется в бессмертье,  
попасть нереально, поверьте.

Меж гениями – толкотня.

И места там нет для меня.

В трамвае, идущем в известность,  
ругаются тоже, и тесно.

Нацелился было вскочить,  
да черт с ним, решил пропустить.

А этот трамвай до Ордынки.  
Я впрыгну в него по старинке,  
повисну опять на подножке  
и в юность вернусь на немножко.

Под лязганье стрелок трамвайных  
я вспомню подружек случайных,

забытых товарищей лица.  
И с этим ничто не сравнится!

*Сентябрь 1986*



В детстве ох уж любил  
читать. Был просто за-  
поймый читатель. В шко-  
ле меня даже прозвали

# Две встречи с Константином Симоновым

Лет в шестнадцать я начал писать стихи. Поэтический зуд не являлся следствием каких-то особых переживаний или небывалого личного опыта. Скорее всего, причиной этому было мужское созревание, интерес к другому полу, типичные для юного возраста мысли о бренности всего земного, о быстротечности жизни. Стихи я писал, конечно, не самостоятельные. Да и откуда ей было взяться-то, самостоятельности?! Сочиняя, я невольно подражал. Что любопытно, подражал высоким поэтическим образцам в той хронологической последовательности, в какой поэты располагались в истории литературы. Начал, стало быть, с имитации Пушкина. Его стихотворные размеры, рифмы, интонации, обороты речи преобладали в самых первых моих опытах. Причем процесс подражания и смены поэтических кумиров происходил бессознательно, я им не управлял. Сначала сами собой получались стихи «под Пушкина». Через месяц-другой я принимался строчить «под Лермонтова». Разница заключалась скорее в тематике, нежели в форме. Темы стихотворений становились безысходней, тоскливей. Влияния Некрасова я почему-то избежал. Как-то случилось, что я прошел мимо его «кнутом иссеченной музы». Зато надолго (аж месяца на

два!) застрял на Надсоне. Вот что оказалось близко неимоверно – горькие, печальные строчки, которые к тому же оказались и пророческими: поэт умер двадцати трех лет. Постоянные стихотворные упражнения, кое-какой появившийся опыт давали себя знать – поэтический слух становился тоньше. Отныне моим воображением прочно и надолго завладел Сергей Есенин. 1943–1944 годы, война – поэт со своей кабацкой тоской был в опале. Его уже много лет не переиздавали. Книг Есенина было невозможно достать, стихи ходили в рукописных списках. Я отчетливо помню, как в 1944 году впервые проглотил «Черного человека». Эта поэма считалась особенно опасной и поэтому читали ее тайком, не распространяясь о прочитанном. Примерно так же много лет спустя – в шестидесятых, семидесятых – мы знакомились с «самиздатом» или книгами эмигрантских издательств. Вскоре к Есенину присоединилась Анна Ахматова, на которой тоже лежала печать официального проклятия. Так что подражания стали более сложными. Стихи я писал очень неумелые, как правило, пессимистические и всегда бездарные. Но это я понимаю сейчас. Тогда же мои вирши казались мне изумительными. Каждый новичок, когда видит, что у него вроде все получается как у людей, преисполнен восхищения самим собой. Как часто молодой режиссер, глядя на свои первые экранные опыты, погружается в эйфорию. Подумать только – актеры двигаются, их видно, слышно, что они произносят, кадры склеены между собой. И у автора возникает ощущение

ние чуда: это он смастерил кино, сделал фильм! И видно, и слышно, – словом, все как у людей! А это всего-навсего азы ремесла, которые к искусству пока еще никакого отношения не имеют.

К сожалению, потерялась заветная тетрабочка с моими юношескими опытами. Думаю, если бы я их сейчас почитал, сильно бы потешался. Но некоторые строчки помню.

Я на земле случайный посетитель!  
Зашел и вышел – мне далекий путь.  
Родная! Вы такая же! Поймите!  
Пока есть время, можем мы кутнуть!

Смахивает на пародию. Тут все заемное: мысли, чувства, с позволения сказать, образы. Признаюсь, я был нищ невероятно, и кутнуть мне, в общем-то, было не на что. Так что это заявление не имело под собой никакой реальной почвы. А как вам такой загиб, случайный (обожателем Маяковского я не был никогда):

– Я сегодня  
не настроен  
на лад философский.  
Радость сжата лапою ледяною:  
Я измочален  
тоскою  
чертовскою,  
Но все равно

я пою, а не ною!

Конечно, это надо печатать лесенкой. Чтобы было совсем как у Владимира Владимировича.

Я был плодовит, и вскоре у меня образовалась довольно толстая тетрадка стихотворений. Приятелям они, естественно, нравились, но я жаждал услышать профессиональное мнение из уст какого-нибудь знаменитого поэта. Самым знаменитым поэтом в 1944 году был, конечно, Константин Симонов.

Жди меня, и я вернусь,  
Только очень жди...

...Так убей же его хоть раз,  
Так убей же его скорей!  
Сколько раз увидишь его,  
Столько раз его и убей!..

Если был в те дни поэт, рожденный военным временем и наиболее полно выразивший это время, – конечно же, это был Константин Михайлович. Ему тогда исполнилось 30 лет, если вдуматься, совсем молодой человек. В стране, пожалуй, нельзя было найти жителя, который не знал бы имени Симонова, его стихов, его любви к Валентине Серовой, не любил бы мужской интонации его стихотворений.

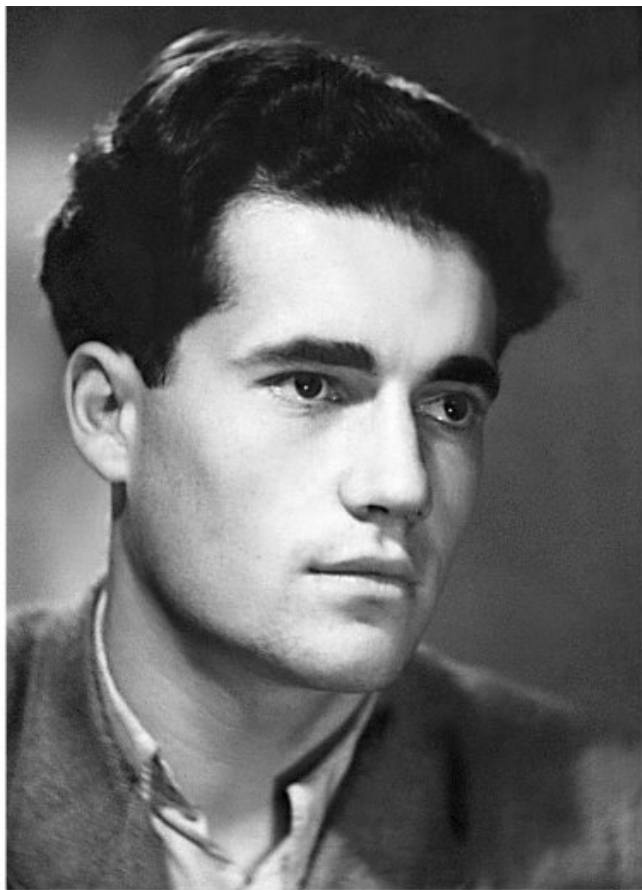
На пикапе драном  
И с одним наганом  
Первыми врывались в города...

Конечно, стихи надо было показывать ему и только ему. И я принялся за поиски. Не помню уж, каким способом (никаких знакомств в мире литературы и искусства у меня не было!) я раздобыл номер его телефона. И вот я начал регулярно названивать по этому номеру, пока наконец, на седьмой или на десятый день, не откликнулся мужской картавый голос. Это был Симонов. Я объяснил, кто я такой, рассказал, что только окончил десятый класс, пишу стихи, и мне очень хочется показать их ему. Без особого сопротивления Симонов согласился почитать мои опусы. Сейчас я поражаюсь, как это он не увильнул и не отфутболил меня в редакцию какого-нибудь толстого журнала. Может быть, ему была еще внове его неслыханная популярность. Может быть, во время коротких визитов в Москву с линии фронта и из других поездок его еще не допекали многочисленные графоманы. Не знаю. Об этом можно только гадать. Короче, Константин Михайлович сообщил мне адрес, и я понес ему свою заветную тетрадочку. Жил Симонов в ажурном, «кружевном» доме, что напротив нынешней гостиницы «Советская» на Ленинградском проспекте. Там у него, по-моему, была одна комната в коммунальной квартире. Я вручил ему стихи. Мне велено было явиться через неделю.



Через неделю – это была середина лета 1944 года – шел к Симонову от метро «Белорусская». Может быть, у меня в памяти спутались два события, а может, так и было, но в тот день по Ленинградскому шоссе по направлению к центру вели нескончаемую колонну пленных немцев. А я шел навстречу мимо небритых, оборванных, поникших, побежденных фашистов, шел к самому знаменитому поэту нашей страны – первому читателю моих – я в этом был уверен – замечательных стихов. Близился конец войны. Я намеревался поступать в Одесское мореходное училище. Короче, победные трубы гремели в моей душе.

Разговор со знаменитым поэтом оказался кратким. Симонов был учтив, но тратить много времени на меня почему-то не пожелал. Он призвал меня к самостоятельности, сказал, чтобы я перестал подражать другим поэтам, высказал новую для меня в то время мысль, что стихи должны быть неповторимыми и выражать личность автора. А я тогда даже не подозревал об этой истине. Заинтересованности во мне он не проявил никакой и быстро выпроводил за дверь, не забыв всучить обратно мою бесценную рукопись. Но Симонов был вежлив, интеллигентен и ничем не выказал недоброжелательства или пренебрежения.



Вот такой тип приперся  
к прославленному Константину  
Симонову с Тетрежкой

Помню, что ушел от него без малейшей обиды, без ущемленного или оскорбленного самолюбия, хотя он не сказал о моих стихах ни одного доброго слова. И потом, несмотря на нелестный отзыв, я продолжал думать о Симонове с восхищением и еще несколько лет очень почитал его как выдающегося стихотворца.

А эту самую тетрадку с моими рифмованными разочарованиями в жизни я подал потом во ВГИК, поступая на режиссерский факультет. Там требовалось предъявить собственные литературные произведения. Несмотря на молодость, я понимал, что живу в очень идеологизированной стране. И сообразил, что пессимистическую лирику отдавать негоже: могу произвести неблагоприятное впечатление. Надо было подкрепить этот мрак чем-то советским, оптимистическим. И я быстренько накропал нечто патриотическое, смахивающее на стихи Константина Михайловича. И вставил в тетрадку. Во время собеседования на приемных экзаменах мастер – а им был Григорий Михайлович Козинцев – задал мне вопрос:

– А что вы читали?

Очевидно, он спросил меня об этом потому, что я был моложе всех остальных поступающих – мне еще не исполнилось семнадцати. Я был шокирован и даже возмущен – почувствовал в козинцевском тоне некую снисходительность.

– Я для своих лет читал много, – парировал я. – Пушкина,

Лермонтова... и вообще.

— Симонова, я вижу, вы тоже читали, — усмехнулся Козинцев, показав тем самым, что ознакомился с моим поэтическим «творчеством».

— И Симонова, — не почувствовав подковырки, подтвердил я. Я не понимал тогда, что высказывание Козинцева отнюдь не являлось похвалой...

А потом прошло много лет. В середине шестидесятых годов я поселился в том же поселке, где жил Симонов. Иногда мы встречались на улицах нашего дачного поселка, и я здоровался с ним. Он, как воспитанный человек, отвечал. Но я не был уверен, что он знает, кому отвечает на приветствие. Я тогда не вел телевизионных кинопанорам, и в лицо меня никто не знал. Короче, мы никогда не беседовали с Симоновым. Он сам в разговор со мной не вступал, а я навязываться не любил. А к знаменитостям относился особенно отчужденно. Самолюбив был всегда. Очень боялся, что меня могут заподозрить в подлипальстве. Так жизнь и текла. Я снимал фильмы, а потом издал свою первую книгу «Грустное лицо комедии». И вдруг получаю письмо по почте, в конверте с маркой. Первое и последнее письмо от Константина Михайловича Симонова. На конверте мой адрес был напечатан на пишущей машинке, а само письмо написано от руки. Вот оно:

«Дорогой Эльдар Александрович, прочел Ваше «Грустное

лицо комедии», книгу, по-моему, очень хорошую, и захотелось сказать Вам то, что как-то все не приходилось сказать, хоть мы и соседи, что я видел все Ваши фильмы (кроме «Девушки без адреса») и люблю их, и, судя по сказанному в Вашей книге, больше люблю те из них, которые больше любите Вы. Вот, собственно, и почти все. Кроме того, Вы делаете дело, которого я совершенно не умею делать, что, в то же время, не мешает мне чувствовать себя Вашим единомышленником в чем-то очень, особенно важном для Вас, для меня и для очень многих других людей, важном прежде всего в жизни, а затем уже и в наших профессиях.

От души желаю Вам всего самого доброго.

*Уважающий Вас Константин Симонов 22. V. 78»*

Боже, как я был растроган! Получить похвалу от самого К.М. Симонова! От человека, с которым я, практически, не был знаком. Я никогда не бывал у него дома (кроме того давнего случая), он никогда не приходил ко мне, мы ни разу не встречались в каком-либо доме, в какой-нибудь компании. Я знал, как он дьявольски занят! Он писал книги, пьесы, делал документальные фильмы о войне и солдатах, телевизионные передачи, много помогал молодым писателям, просто людям, уйму времени отнимали разнообразные общественные обязанности. Поэт, прозаик, драматург, публицист, киносценарист, редактор – он был всегда в работе, в деле, его трудоспособность изумляла и поражала. И вот такой загру-

женный сверх головы человек находит время не только прочитать мою книгу, но собственноручно прислать мне теплое, душевное письмо. Можете понять, почему я был так потрясен и взволнован.

Я тут же написал сердечное благодарственное письмо, копии которого, естественно, не сохранил. Мне как-то не пришло это в голову. Почему-то! А потом, в первом издании своей книги «Неподведенные итоги» я признательно упомянул о письме Константина Михайловича как об образце внимательного, хозяйского, заботливого отношения крупного писателя к коллегам, к судьбам нашего искусства. Я привел этот пример как эталон доброжелательства, неравнодушия и внутренней взыскательности. В той книге я не цитировал письма К.М. Симонова, так как считал это нескромным, и привел его полностью сейчас не для того, чтобы похвастаться. Хотя, не скрою, мне было приятно прочитать его еще раз.

Мы так и не встретились с Константином Михайловичем. А потом он умер. Через несколько месяцев после смерти Симонова я натолкнулся в коридоре «Мосфильма» на Лазаря Ильича Лазарева. Лазарь Ильич занимал должность редактора журнала «Вопросы литературы». Писатель-фронтвик, крупнейший литературовед, умница, светлая, талантливая личность, автор замечательных книг – он был близким многолетним другом Константина Михайловича, а после его кончины входил в комиссию по литературному насле-

дию Симонова. По-моему, даже являлся ее председателем.

– Разбирал сегодня переписку Константина Михайловича и наткнулся на его письмо к Вам, – сказал Лазарев. – Приятное письмо.

– А что, Симонов снял с письма копию? – простодушно спросил я.

– Нет, копия у Вас, – усмехнулся Лазарь Ильич. – А подлинник в архиве.

– Как? Этого не может быть! Я помню письмо. Оно написано от руки, – возразил я.

– У Вас копия, сделанная на ксероксе, а оригинал я сегодня держал в руках, – настаивал Лазарев.

Придя домой, не без труда разыскал письмо К. М. Симонова.

Пощупал бумагу и убедился, что Лазарев прав. У меня был фотоснимок с письма!.. Тогда, в семьдесят восьмом, я даже не подозревал, что существует такая копировальная техника, как «ксерокс». И ничего не заподозрил.

Совершая свой замечательный бескорыстный поступок, Симонов отослал мне копию, а подлинник сразу же положил в архив.

На этот раз я был потрясен вторично! Какая же забота о вечности! Какая сосредоточенность на бессмертии! Какого же он был мнения о каждом своем шаге, если так старался сохранить его для истории! Не говорю уж о том, что он ни в грош не ставил меня!

Я даже вспотел от напряжения. Ну, в крайнем случае, оставил бы в своем архиве (ведь сохранилась бы!) копию, а адресату все-таки отослал бы подлинник. Это было бы полудски. Какое тщеславие! Какая мелочность! А рядом щедрость и доброта! Как неоднозначны люди! И как мы, в сущности, мало знаем о них.

Р. S. Поостыв, я подумал: а может, это не сам Симонов так поступил, а его литературный секретарь, когда получила оригинал письма Константина Михайловича для отправки мне. «Пусть лучше подлинник останется в архиве писателя, а с адресата будет достаточно и копии», – подумала, может быть, секретарь К. М. Симонова. Может быть! Не знаю. Не хочется неважно думать о Константине Михайловиче, удобнее так подумать о его литературном секретаре. И, кроме того, вся эта история с копией не стоит выеденного яйца по сравнению с его поступком – посылкой мне этого письма...



# Музыка жизни



\* \* \*

В мои годы сердечная лирика?  
Ничего нет смешней и опасней.

Лучше с тонкой улыбкой сатирика  
сочинять ядовитые басни.

Не давать над собой насмехаться,  
тайники схоронить в неизвестность,  
и о чувствах своих отмолчаться,  
понимая всю их неуместность.

Иль, вернее сказать, запоздалость,  
потому что всему свои даты...  
Но идет в наступленье усталость,  
и все ближе и горше утраты.

\* \* \*

Меж датами рожденья и кончины  
(а перед ними наши имена)  
стоит тире, черта, стоит знак «минус»,  
а в этом знаке жизнь заключена.

В ту черточку вместились все, что было.  
А было все! И все сошло, как снег.  
Исчезло, растворилось и погибло,  
чем был похож и не похож на всех.

Погибло все мое! И безвозвратно.

Моя любовь, и боль, и маета.  
Все это не воротится обратно,  
лишь будет между датами черта.

## **Монолог «художника»**

Прожитая жизнь – сложенье чисел:  
сумма дней, недель, мгновений, лет.  
Я вдруг осознал: я живописец,  
вечно создающий твой портрет.

Для импровизаций и художеств  
мне не нужен, в общем, черновик.  
Может, кто другой не сразу сможет,  
я ж эскизы делать не привык.

Я малюю на живой модели:  
притушил слезой бездонный взгляд,  
легкий штрих – глазищи потемнели,  
потому что вытерпели ад.

Я прорисовал твои морщины,  
в волосы добавил белизны.  
Натуральный цвет люблю в картинах,  
я противник басмы или хны.

Перекрасил – в горькую! – улыбку,  
два мазка – и тынехороша.  
Я без красок этого добился,  
без кистей и без карандаша.

Ближих раним походя, без смысла,  
гасим в них глубинный теплый свет.  
Сам собою как-то получился  
этот твой теперешний портрет...

## Листопад

Как тебе я, милый, рад,  
мот, кутила-листопад.  
Ты, транжира, расточитель,  
разбазарил, что имел.  
Мой мучитель и учитель,  
что ты держишь на уме?

Разноцветные банкноты  
тихо по миру летят,  
а деревья, как банкроты,

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.